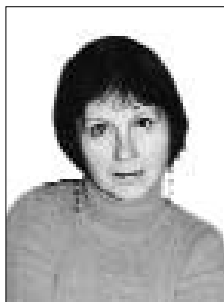

ПОД ЭЛЕКТРОННЫМ ОКОМ

Ирина Медведева

Татьяна Шишова,
психологи,
члены Союза
писателей России,
соучредители
Фонда социально-
психического
здоровья семьи
и ребёнка

Когда между верующими людьми заходит спор по поводу электронных документов и установления с их помощью тотального контроля над личностью, противники электронизации обычно слышат от своих оппонентов следующее: «Ну и пусть я буду для власти прозрачным, на здоровье! Я — человек честный, заработков своих копеечных не скрываю, так что пускай отслеживают. Мои перемещения и контакты тоже не могут заинтересовать органы безопасности. Какие у меня маршруты? Дом — работа, работа — дом. По выходным — храм. Но даже если камеру слежения прямо в церкви установят, мне эта камера что, молиться помешает? И вообще, страх контроля — типичный признак маловерия. Тому, кто с Богом, скрывать нечего. А значит, нечего и бояться».

Короче говоря, не нарушай норм морали и права — никакой тебе электронный чип, никакой орвелловский (из романа «1984») «телескрин» не страшен.

И вроде бы всё правильно, всё логично. Но, как часто это бывает, житейская, такая с виду безукоризненная логика лишь в первом приближении выглядит непреложной. А чуть углубишься — становится даже странно, как можно было всерьёз соглашаться с подобными утверждениями. Да и сам спорщик, подумав трезво, скорее всего удивился бы собственному легкомыслию.

Плата за комфорт

Давайте отвлечёмся от темы ИНН и спросим себя: только ли злодеяния и пороки скрывают от посторонних глаз? Конечно, нет. Нормальные люди скрывают и свою наготу, и то, что происходит в супружеской спальне, и всякие отправления организма, и определённые гигиенические процедуры. Словом, то, что показывать неприлично. Интимную сторону жизни.

Но разве понятие интимного сводится только лишь к неприличному? А разговор по душам, причём вовсе необязательно о любовных тайнах? А письма? Даже если там нет никаких секретов, а просто распорядок дня в санатории или рассказ о школьных оценках сына, всё равно человек чувствует себя оскорблённым, если узнаёт, что его письма без спросу читал кто-то, кроме адресата. Вспомните, как негодовал Пушкин, обнаружив, что его переписка с женой перлюстрируется почтовым ведомством.

Однако в XX в. понятие интимности стало сжиматься, как шагреновая кожа. И процесс этот был встречным. С одной стороны, люди сами переставали дорожить сокровенным, принося его в жертву на алтарь комфорта. Взять те же письма. С изобретением телеграфа, радиосвязи и телефона коммуникация значительно упростилась.

Правда, она утратила конфиденциальность. Чужой человек принимает телеграмму, чужой передаёт, чужой приносит домой. О переговорах в эфире вообще нечего говорить. Их фактически может подслушать любой, была бы соответствующая аппаратура. Наверно, немаловажную роль, помимо упомянутого комфорта, в том, почему на это согласились, сыграли безликость и незаинтересованность соглядатаев и слушачей. В старину почтовый служащий читал письма с целью выявить политическую неблагонадёжность. Это оскорбляло, пугало, сковывало письменное общение. Нынешняя работница почты даже не читает, а механически считает слова, чтобы определить плату за телеграмму. А телефонистка вторгается в разговор, напоминая, что время заканчивается.

С появлением компьютерной связи и Интернета был сделан ещё один шаг, а вернее, скачок в сторону открытости. Письмо-«емейл» (e-mail), несмотря на всякие интернетные пароли, употребив некие усилия, может прочитать кто угодно. Тут даже специального оборудования не нужно, только определённые навыки. Но поскольку ты этих непрошенных читателей не видишь и не слышишь, их будто и не существует.

В общем, неуклонная тяга к комфорту и к прогрессу, которые обеспечивает этот самый комфорт, сыграла чрезвычайно важную роль в рассекречивании частной жизни.

С другой стороны, в XX в. и государства дерзнули установить такой контроль над личностью человека, какой предыдущим правителям даже не снился. Пушкина, кстати, возмущала не только перлюстрация его писем к супруге, но и то, что царь не позволил ему съездить за границу. Но в Советском Союзе разрешение на выезд, причём для немногих избранных и после многоступенчатой проверки, стало чуть ли не самой невинной формой контроля. Кто при «проклятом царизме» посмел бы предложить то, что впоследствии стало повседневной реальностью: концентрационные лагеря? Концентрация, то есть скученность заключённых, не предполагала вообще никакого личного пространства. Конечно, и жизнь крепостных рабов во многом регламентировалась хозяевами. Русский помещик или западный феодал мог, например, запретить своему крестьянину на ком-то жениться. Были и телесные наказания, иногда очень суровые. Но разве можно себе представить, что во флигеле барского дома доктор деловито осматривает крепостных женщин и «породистых» оставляет на разживу, а «неполноценных», «вырожденков» стерилизует? Но лишь в середине XX в. в фашистских лагерях начали ставить опыты, помещая женщин и мужчин в общую камеру. Дальнейшее зависело от цели научного эксперимента: иногда просто наблюдали за поведением заключённых, а порой и приказывали, когда, с кем и как совокупляться.

Однако на воле у людей всё-таки сохранялось — хотя и в урезанном виде — право на интимность. Даже советское государство, где было принято публично осуждать на собрании (тогда это называлось «проработывать») неверного мужа,

на которого жена пожаловалась в партком, соблюдало некие рамки приличия в интимной стороне жизни.

Впрочем, к середине XX в. и в этой области произошли существенные подвижки. Огромную роль в уничтожении интимного сыграл пляжно-курортный отдых. Попробуйте взглянуть глазами наших предков на эти груды полуобнажённых тел — мужских и женских, худых и тучных, молодых и старых, знакомых, малознакомых и совсем незнакомых, лежащих рядом в весьма откровенных позах, с выставленными напоказ шрамами, бородавками, отвислыми животами... Ведь тогда был сделан семимильный прыжок, по сравнению с которым последующая мода на купальники-бикини, перепонку вместо трусов или обнажённый бюст (как сейчас говорят, — «топ-лесс») — это даже не полшага, а так, микрошажок.

А ведь водоёмы существовали тысячами. Как, впрочем, и летняя жара. И люди, конечно, купались, но это было делом интимным, а потому сокрытым от посторонних глаз. Для богатых оборудовались специальные купальни. Бедные выбирали какие-то укромные места. Никому и в голову не приходило раздеваться при всём честном народе. Кстати, во многих восточных странах и доныне местное население, в особенности женщины, ведут себя именно так.

Очень серьёзным вторжением в сферу интимного явилось и развитие служб акушерства и гинекологии. Ну-ка образуйте мужской род от слова «повитуха»! Ничего не выйдет, потому что такого слова не существует. Не принимали роды мужчины. А теперь принимают, и даже укоренился миф, будто мужчина-акушер или гинеколог лучше, чем женщина.

А про интимность в условиях роддома вообще говорить смешно. Кстати, не все, наверное, знают, что впервые роддома появились в революционной Франции, когда была предпринята попытка существенно урезать и огосударствить частную жизнь. Попытка эта не удалась, так как смертность в роддомах того времени

оказалась гораздо выше, чем при домашних родах. Вторично роддома появились лишь после Октябрьской революции, многое перенявшей у французов.

Но всё же до второй половины XX в. какие-то стороны интимной жизни не демонстрировались и не обсуждались, а для каких-то существовали специально отведённые места. Жующей и пьющей сегодня на каждом углу молодёжи, наверное, трудно поверить, что даже еда считалась действием достаточно интимным. Во всяком случае, было совершенно не принято есть и пить в толпе, на ходу, на улице или в городском транспорте. Малому ребёнку — и тому говорили: «Потерпи до дому». (Исключение составляло только мороженое.)

Не принято было совсем недавно и прилюдно наводить марафет. Причёска, завивка, макияж и разные другие способы себя приукрасить — всё это были женские секреты, женская интимная жизнь.

Ну, а проблемы кишечника, прыщей, гинекологии, потенции и прочее и вовсе были тайнами, открываемыми только врачу. А многие люди и врачей стеснялись! Интересно, что даже живя в коммунальных квартирах, чуть ли не на головах друг у друга, культурные люди умудрялись не посвящать домашних в подробности своей интимной жизни. Мы обе выросли в коммуналках, в тесноте, когда три поколения ютились в одной небольшой комнате. И ни разу не были свидетелями той стороны взрослой жизни, о которой слышали от «продвинутых» сверстников. А знакомый дагестанец, проводивший детство в маленькой глинобитной хижине горного аула, однажды признался нам, что никогда в жизни не видел своего отца в трусах!

Так что, находясь на воле, пусть и в стеснённых условиях, уважающие себя люди всеми силами старались блюсти свою интимность. И это как-то неразрывно связывалось с сохранением человеческого облика. То есть некий минимум приватности всё же оставался. И, казалось, был неприкосновенен.

Ручной ангел и другие гаранты безопасности

Но это так только казалось. Начиная с сексуальной революции 60-х, либеральное крыло мировой политической элиты взяло курс на полное уничтожение понятия частной жизни. На Западе это произошло лет на 30 раньше, чем у нас. Уже в 70-е гг. в США стали показывать телепередачи, как сейчас говорят, «в режиме реального времени»: договаривались с определённой семьёй, устанавливали в её доме телекамеры и записывали «жизнь как она есть», выставляя напоказ всё грязное бельё. Общество поначалу было в шоке. Семьи, где происходила съёмка, нередко распадались, но экспериментаторов это не останавливало.

До нас тогда это донеслось только в виде фильма популярного польского кинорежиссёра Анджея Вайды «Всё на продажу», в котором артисты играли самих себя и был даже такой эпизод, когда попавший в аварию Вайда, едва очнувшись, включает кинокамеру и снимает своё окровавленное лицо, чтобы вставить этот эпизод в фильм. Столичная интеллигенция, глядя на экран с большим пиететом, думала: «Ну надо же! Польша — а такой Запад!» И не чаяла, что скоро сама встроится в цивилизованное сообщество.

С началом перестройки отечественные прогрессисты ринулись навёрстывать упущенное. Послышались голоса, что нет-де запретных тем, что это ханжество, наследие проклятого тоталитарного прошлого. Сперва всё на свете стали обсуждать, а затем и показывать. Передачи «Тема», «Про это», «За стеклом», «Моя семья», «Большая стирка», «Голод»... Список неуклонно удлинялся. То, что раньше люди — и то не все — соглашались проделывать в концентрационных лагерях под страхом смерти, теперь делается добровольно за денежное вознаграждение. А смотрится десятками миллионов зрителей вообще «за так».

Как с цепи сорвалась и реклама. Всё, что раньше принято было утаивать, выставлено напоказ: средства от запоров и медвежьей болезни, депиляторы, дезодоранты от пота, лекарства от венерических заболеваний, витамины, полезные в климактерический период, и различные виды прокладок... Наверное, не осталось ни одного уголка интимного пространства, не высвеченного наглым прожектором средств массовой информации.

Так что термин «открытое общество», которое сейчас нас призывают строить, означает не только отмену границ между государствами, но и между частной и общественной жизнью.

Стекланные дома, привидевшиеся во сне Вере Павловне, героине романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», лишь выглядели метафорой. Может, это было прозрение?

Сколько восторгов было по поводу американской моды на стекланные двери, окна от пола до потолка, которые превращаются в прозрачные стены! В сущности, это и есть воплощённый сон Веры Павловны — стекланные дома. Круглосуточная и повсеместная передача «За стеклом». Только в жизни, в режиме on-line. Конечно, никто из апологетов новой моды не восхвалял в открытую существование под стекланным колпаком, а восторгался высочайшим уровнем западной безопасности: дескать, вот что значит цивилизованный мир, у нас по сто замков в железные двери врезают — и всё равно сплошные ограбления. А там идут мимо: материальные ценности как на ладони, а посягательств никаких... В общем, тут одни преступники, там — ангелы. (Хотя в тюрьмах у них сидит примерно столько же народу, сколько у нас, да и двери, как выяснилось впоследствии, при более близком знакомстве с заокеанской действительностью, оказались из специального пуленепробиваемого стекла.)

Ну, до стекланных дверей мы пока не доросли — во всяком случае, в массовых количествах, но целый ряд примет открытого общества уже налицо. Сотовых телефонов нет сейчас разве что у бомжей. А ведь местонахождение такого телефона и, соответственно, его владельца фиксируется с точностью до 2 км и проверяется каждые несколько минут. Это не чьи-то злые козни, а необходимое условие работы сотовой связи. И люди охотно выдают тайну своих перемещений в обмен на дополнительный комфорт.

Очень удобны и чипы, вживляемые домашним животным, — собачка уже не может потеряться. Электроника просигнализирует, куда она забрела. Отдел защиты животных фирмы «Байер» предлагает москвичам электронную систему идентификации животных TRACER — «паспорт для ваших любимцев». «Существующие сегодня системы идентификации не обеспечивают достаточной степени сохранности информации», — убеждает реклама. А TRACER — это «уникальный цифровой код для каждого животного, сохранность информации на протяжении всей жизни животного, безошибочная идентификация, удобство и простота в применении, стерильный шприц для безболезненной имплантации...» В общем, сплошные плюсы. Остаётся сгрести собаку в охапку и бежать по указанному адресу.

Да и с человеком напрашивается аналогия. Всякое же бывает, особенно если твой родственник в возрасте, да ещё со склеротическими явлениями... Бывает, что пожилые люди теряются, не помнят, как домой идти, и даже адрес назвать не в состоянии. Вот когда маленькая электронная пластиночка, вживлённая в кожу, окажет неоценимую услугу, подаст сигнал, поможет отыскать потерявшего ориентацию старичка... А если такая страшная болезнь, как диабет? Состояние комы, заставшее

больного врасплох на улице. Он лежит беспомощный, рядом никого. Но спасительный чип — Digital Angel (Ручной Ангел) — одно название чего стоит! — сигнал SOS, и скорая помощь несётся на помощь... Страна-лидер (США) уже предоставляет своим гражданам этот удобный вариант спасения. Наше государство, судя по ряду информационных сообщений, тоже собирается осваивать «чипизацию» некоторых категорий граждан. Например, заключённых (чтобы не потерялись в тайге) или сотрудников МЧС (спасатели сплошь и рядом попадают в такие передрыги, что и сами нуждаются в помощи). Ну, а В.В. Жириновский, выступая весной 2004 г. на слушаниях в Государственной Думе, авторитетно заверил аудиторию, что в будущем чипы всем вживят обязательно. В рамках борьбы с терроризмом. Должно же государство заботиться о безопасности своих граждан! А как без чипов обеспечить заботу?

Но пока «Ручной Ангел» ещё находится в стадии приручения, в крупных городах повсюду устанавливаются видеокмеры. В банках, метро, супермаркетах. А некоторые солидные фирмы оборудуют камерами слежения даже... туалеты.

Тут, пожалуй, впору задать вопрос бесстрашным сторонникам электронизации, которые обвиняли своих оппонентов в трусости и маловерии: если человеку не хочется, чтобы какие-то невидимые анонимы с помощью камеры наблюдали за его физиологическими отправлениями, он кто — трус или маловер? А вдруг ему просто неловко в этой ситуации?

Теперь представьте, что происходит с психикой человека, который, боясь потерять высокооплачиваемую работу, соглашается на такое наблюдение, перешагивает через свой стыд. Что он должен внушить себе, какую психологическую операцию над собой произвести? Легко просматриваются два варианта. Либо надо перестать считать человеком себя, либо наблюдателей. Исход одинаково плачевен, ибо в обоих случаях сопряжён

с серьёзными нарушениями психики. В первом случае человек рано или поздно впадёт в депрессию. Во втором — у него разовьётся истерическая демонстративность («Пусть смотрят, мне плевать!»). А может быть и третий вариант — аутизация, когда человек компенсирует травму попранного стыда, экранируется, отгораживается от мира («никого не вижу, никого не слышу»).

Реакции разные, а суммарный итог, по существу, один: в людях развивается бесчувственность и, соответственно, в отношениях между ними возникает разобщённость. Находящаяся в депрессии мать может быть безразличной даже к голодному грудному ребёнку, с которым обычно она связана теснейшей связью. Младенец порой надрывается от крика, а в матери это вызывает лишь чувство усталого раздражения.

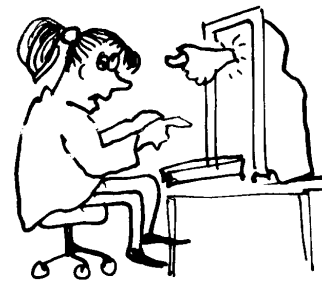
Истерические люди, несмотря на свои бурные проявления, глубинно очень холодны к окружающим. Классическое сравнение, приводимое на лекциях по психиатрии, — истерик напоминает бифштекс: снаружи раскалённый, а внутри холодный. От такого не стоит ждать подлинного сочувствия и серьёзной поддержки. Значит, провоцирование в гражданах истерической демонстративности тоже усугубляет атомизацию общества. Человек с аутистическими чертами («Autus» по-латыни «сам») вообще мало реагирует на окружающих людей. Он замкнут в себе. И это не признак творческой активности или духовной сосредоточенности, а тяжёлая патология. Сейчас в странах, которые принято называть цивилизованными (следовательно, они наиболее вовлечены в глобалистский проект), наблюдается заметный рост аутизма. Выходит, что чем более открытое общество, тем больше в нём людей с запертой на замок душой! Если бы это было не так, тренинги общения не выросли в серьёзный бизнес. Вроде бы парадокс: миллионы людей совместно слушают, читают, смотрят про вагиниты и импотенцию, желудочные расстройства, прыщи и волосатые ноги. Ника-

ких интимных тайн не осталось, «норки нараспашку», как выражался популярный американский писатель Курт Воннегут... Отчего же душа не нараспашку, а, напротив, нарастает всеобщая отчуждённость, которую можно принять и за стёртую форму аутизма? Похоже, чем больше люди узнают друг о друге того, что положено скрывать, тем на большую дистанцию они невольно отдаляются.

Воспоминание на заданную тему

Выхолащивание в человеке тайного происходит не только путём повсеместной установки видеокамер. К «прозрачности» приучают и многочисленные тесты типа «Познай себя», и анкетирование на улицах, и участие в передачах, где предлагают рассказать, как удалось вернуть мужа, сбежавшего было к любовнице, или, наоборот, изменить, но так, чтобы муж ничего не узнал. И те же тренинги общения, на которых почему-то полагается «раскрепоститься» и поведать чужим людям о «проблемах», в существовании которых и себе-то бывает неловко признаться.

Впрочем, чувство неловкости возникает не обязательно при оглашении каких-то постыдных тайн. Помнится, в 1993 году (теперь можно сказать: «В конце прошлого века») нас привезли в г. Пущино на Оке. Был заявлен семинар по реабилитации больных детей, и организаторы обещали дать нам возможность сделать доклад о нашей работе с детскими неврозами. А мы тогда ещё только-только придумали свою методику куклотерапии и, как часто это бывает с неопитами, жаждали со всеми поделиться своим «открытием». Но по приезде выяснилось, что семинара не будет. Вместо него состоится мероприятие со странным названием «Игра», а устроителей следует называть «методологами» и «игротехниками». Выяснилось также, что обман участников (про семинар и доклады сказали не только нам) входил в условия игры. Сказано было, что игра намного эффективнее семинара, что это мозговой штурм, ломка привычных стереотипов, стимуляция креативного мышления... На деле же руководители-игротехники учинили над людьми форменное издевательство: каждую минуту они перебивали, требовали, чтобы, выражая свою мысль, участники тут же схематизировали её путём начертания на доске кружков, треугольников и квадратов. А одним из главных условий игры было постоянное раскрытие своих мыслей по требованию методологов. То и дело слышалось: «О чём вы сейчас подумали? А почему вы так подумали?..» Именно это было особенно невыносимо, воспринималось как грубое, наглое давление, как психическое насилие, посягательство на тайны твоей внутренней жизни.

Мы обе это очень быстро почувствовали и «вышли из игры». Другие же участники, боясь показаться невежливыми, — ведь пребывание в Пушино оплачивалось иностранными спонсорами, — продолжали терпеть издевательства. Окончилось это в прямом и переносном смысле плачевно. В прямом потому, что большинство участниц к концу третьего дня пребывали в расстроенных чувствах и во время мозговых штурмов рыдали, а в переносном — потому, что одного участника уже к концу первого дня увезли в больницу с инфарктом. (Впоследствии нам рассказали, что это ещё цветочки, на некоторых подобных игрищах случались и самоубийства.)

Тогда мы недоумевали: почему столь откровенный тоталитаризм мирно уживается с западной демократией? Ведь антураж при этом был очень демократичным. Будто мы не под Москвой, а в каком-нибудь американском кампусе: кофе-брейки, развлекательные шоу по вечерам, ворк-шопы, которые, если не предусматривали доску с кружочками и треугольничками, устраивались прямо на траве, и можно было участвовать лёжа, все называли друг друга по именам, в том числе и руководителей.

Прошло почти десять лет, прежде чем мы осознали, что видели не искажение, а работу по чёткому плану, закономерность. А если ещё точнее — закономерное искажение. Ведь в глобалистском обществе, прообразом которого была в каком-то смысле пушинская «игра», распоясываться позволено только по мелочам. Выбирай себе на здоровье майки, сосиски, рок-группу, сексуальных партнёров! Но при этом ты должен быть «прозрачным», подчиниться тотальному контролю, включающему в себя и контроль над сознанием. А оформят его, конечно же, как твоё благо, заботу о твоей безопасности, твоих финансах, об эффективности твоего труда...

Заговор гуманистов

Теперь зададим вопрос, которые многим нашим читателям, наверное, покажется глупым: зачем он нужен, такой тотальный контроль? Зачем следить за миллионами беззащитных, безоружных обывателей? Зачем знать, сколько денег пенсионер оставил в универсаме и по какому маршруту возвращалась с базара домохозяйка? Зачем власти — отечественной ли, всемирной ли — иметь в базе данных сведения о всех болезнях всех людей на свете? Сходных «зачем» можно задать очень много, но и так ясно, что для управления людьми совершенно необязательно знать о них всё. Мы же видим, что если хотят поймать террористов, не говоря уж о неплательщике налогов, это делают без особого труда, без всяких чипов и даже без камер слежения. Как говорится в анекдоте, «старым казацким способом». А если не ловят (как, например, Басаева), значит, не хотят.

Шизофреническая избыточность и дороговизна электронизации всего мира не укладывается в рамки рациональных объяснений. Пока не выходишь на мистический уровень, концы с концами здесь не сходятся. А вот если выйдешь, картина более или менее проясняется.

Не так давно у нас появилась возможность прочитать три связанных между собой документа с одним общим названием «Гуманистический манифест». Первый датирован 1933 годом, второй — 1973-м, последний — 2000-м. Для уяснения происходящих сегодня исторических сдвигов эти документы чрезвычайно важны, поскольку представляют собой идеологическую платформу глобализма. Причём в каждом следующем манифесте, по мере завоевания очередных политических и мировоззренческих плацдармов, принципы построения нового открытого общества излагаются всё жёстче, откровенней и агрессивней.

Генеральный постулат «гуманистов» — это безбожие. Люди, выросшие при советской власти, были уверены, что

воинствующий атеизм процветает только у нас. А «у них» всё нормально: храмы не рушили, религию не запрещали, лекций по научному коммунизму не читали.

До поднятия «железного занавеса» многие даже думали, что Запад очень религиозен. А когда начались массовые турпоездки и выяснилось, что это, мягко говоря, не так, возникло недоумение. Почему? Там же не запрещали, не сажали, не крушили... Однако быстро было найдено невинное, но вполне всех устраивающее объяснение: отпадение от веры на Западе произошло как-то само собой — прогресс, понимаете ли, комфорт, сытая жизнь. Им, буржуйам, и без Бога хорошо.

Но знакомство с «Гуманистическим манифестом» опровергает версию спонтанной апостасии. Кто-то возразит: «Никакую спланированную акцию невозможно осуществить без готовности общества».

Безусловно. Только не забывайте, что люди в массе своей всегда готовы и пасть, и отпасть, ибо природа потомков Адама и Евы греховна. И именно поэтому во все времена так важна была позиция политических и духовных вождей, творцов идеологии.

Но вернёмся к «Манифесту».

Под первым стоят только подписи зарубежных идеологов. В частности, Джона Дьюи — философа, который сыграл заметную, если не ключевую роль в разрушении американского классического образования и чьи взгляды впоследствии легли в основу сходных процессов «реформирования школы» в других странах.

Конечно, для советских идеологов 30-х гг. богоборческие мотивы первого Манифеста были слишком завуалированы: «Религиозные гуманисты считают Вселенную самостоятельно существующей и несозданной... Очевидно, что любая религия, которая надеется в современных условиях стать синтезирующей и динамичной силой, должна изменить свои формы, приспособив их к сегодняшним потребностям. Создание такой религии является главной необходимос-

тью... Отныне мы не считаем адекватными вероисповедание, религиозные идеи и обряды своих отцов».

Но в 1973 г., когда у нас богоборческий пафос уже пошёл на спад, а у них, напротив, атеизм принимал всё более открытые формы, позиции значительно сблизились. И хотя под этим Манифестом с нашей стороны стоит лишь подпись академика Сахарова, взгляды авторов (с небольшими оговорками, касающимися критики коммунизма) охотно разделили бы тогда многие советские интеллигенты. «Традиционная догматическая и авторитарная религия (речь уже идёт не о религии вообще, а конкретно о христианстве. — *Прим. авт.*), которая ставит поклонение Богу, обряд, культ и Символ Веры выше человеческих нужд, желаний и опыта, причиняет вред человеческому роду. Всякая информация о природном естестве должна пройти проверку на научную доказательность. По нашему заключению, догматы и верования традиционной религии такой проверки не выдерживают... Не божество будет нас спасать, а мы должны спасать себя сами... Не существует доказательных свидетельств того, что жизнь не кончается со смертью тела. Мы продолжаем существовать в нашем потомстве и том культурном влиянии, которое оказали на других... Не следует содействовать разным религиозным организациям в получении общественных средств... Мы убеждены, что негибкая мораль местного прихода и религиозные идеологии — пройденный этап».

Ну, а в 2000 г., в третьем варианте Манифеста, традиционная религия вообще «списана в утиль» и сказано, что «упорная приверженность традиционным религиозным воззрениям обычно способствует нереалистичным, пассивистским, мистическим подходам к социальным проблемам, сеет недоверие к науке и слишком часто становится на защиту отсталых социальных институтов... Нет достаточных объективных рациональных и экспериментально подтверждённых свидетельств в пользу достоверности религиозной интерпретации действительности или предположений о существовании оккультных причин... Мы осуждаем попытки некоторых учёных... навязать общественному мнению интерпретации природных феноменов, апеллирующие к потустороннему. Мы думаем, что для человечества настало время осознать собственную зрелость — отбросить пережитки первобытного мистического мышления и мифотворчества, подменяющие истинное постижение природы».

Тут уже больше тридцати подписей наших учёных, представителей естественных наук и философов. Среди них — академик Н.Г. Басов, ведущий научно-популярной телепередачи «Очевидное невероятное» профессор С.П. Капица, академик В.Л. Гинзбург и другие во главе с профессором философского факультета МГУ В.А. Кувакиным. Конвергенция произошла, безбожники всех стран объединились.

Что же они поставили во главу угла, на место якобы несуществующего Бога? Для бывших советских граждан здесь нет никакого открытия, любой из нас мог бы ответить на этот

вопрос даже во сне: «Разумеется, науку с её достижениями!» И жрецов научного прогресса как самых подкованных, способных переустроить мир, который томится в оковах традиционных религий. Переустроить так, чтобы людям было удобно и спокойно жить. Чтобы восторжествовала социальная справедливость, чтобы людей не разделяли ни границы, ни верования, ни национальные особенности. Чтобы образовалось единое мировое государство с единым управлением.

А чем больше пространство, которым управляешь, тем на большее необходимость в дистантном управлении. И здесь неоплачиваемую услугу могут оказать электронные надсмотрщики и контролёры.

Но и для управления целым земным шаром из единого центра необязательно, чтобы прозрачными были все и вся. Как ни крути, одним лишь глобалистским переустройством мира невозможно объяснить эту безумную электронную слежку, которая к тому же экономически разорительна. А мы привыкли слышать, что западный мир очень расчётлив и от всех проектов в конечном итоге ждёт прибыли.

В чём же здесь прибыль? Неужели только в том, что никто не сможет утаить налог от мирового правительства? Но даже если отслеженные с помощью индивидуальной электроники налоги окупят (что весьма сомнительно) капиталовложения, всё равно непонятно, зачем Министерству по налогам и сборам знать, по какому маршруту передвигался в течение дня налогоплательщик и болел ли он в детстве скарлатиной.

Однако вспомнив, что вожди мирового гуманизма не просто хотят возглавить новое движение или даже государство, а претендуют на место столь самонадеянно отменённого ими Бога, неусыпной тотальной слежке наконец-то находишь объяснение! Ведь именно Бог — Вездесущий, Всевидящий, Всеслышащий, Всеведущий...

Электронное око

Но существует затруднение. Тем злым, лукавым и гордым существам, которые вдохновляют творцов «нового мира», не дано проникать в душу человека, читать его мысли, знать, что таится в его сердце. Поэтому для них крайне важно как можно больше узнавать о внешних проявлениях человеческой жизни, чтобы хоть бы таким путём догадываться о сокровенном. Заветная мечта духов злобы и, естественно, их патрона — контроль над человеческим сознанием. Не потому ли так много сил и средств вложено на протяжении последних десятилетий в разработку соответствующих технологий? И психотронное оружие — это уже не только деталь фантастического романа или материал шизофренического бреда. Ведь любой контроль не самоцель, а необходимая составная часть системы управления.

А теперь вернёмся к самому началу наших рассуждений — к мысли о том, что тому, кто с Богом, скрывать нечего.

Есть такая икона — «Недреманное око». Название её, как считают некоторые богословы, скорее всего произошло от строки из Псалтири: «Не даждь во смятение ноги твоя, ниже воздремлет храняй тя, се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля» (Пс. 120:3–4).

Дьявол, который не может придумать ничего своего, и здесь пытается подражать Всевышнему. Говоря о сатанинской символике, о. Алексей (Мороз) пишет: «...треугольник с изображением ока на верху пирамиды (этим символом украшена, как известно, однодолларовая купюра. — *Прим. авт.*) — означает глаз сатаны, который видит будто бы всё, что происходит в мире» (Музыка преисподней. Нижний Новгород: АОЗТ «Вектор», 1995). Но поскольку дьявольское «недреманное око» — лишь пародия, никакого дара всевидения и всезнания у него нет, то ему требуется материальное подкрепление: всевидящая и всезнающая система электронного контроля. Тоже своего рода «недреманное око». Недреманное око зла. И хранить оно будет только своих верных, а те, кто не согласится принять «новый мировой порядок на века» (лозунг, напечатанный на той же однодолларовой купюре. — *Прим. авт.*), будут объявлены маргиналами и нарушителями общественной безопасности.

Как же можно говорить, что признание компьютерной пародии на Господа и добровольное встраивание в сатанинскую систему мироустройства духовно безопасно для христиан? И вообще, как можно кому бы то ни было передоверять Божественное право всеведения о человеке?

Ну, а по поводу молитвы, которой якобы никто не может помешать... Мы много написали об интимности, о частной жизни, о том, как сузилось и продолжает сужаться это понятие. Но что же всё-таки означает слово «интимный»? «Intimate» (анг.), «intimo» (исп.), «intime» (фр.) — в том числе имеет значение «глубинный», «потайный», «внутренний».

Иисусову молитву, важнейшую молитву для христиан, тоже называют «внутренней». Для овладения ею необходимо, среди прочих условий, вхождение внутрь себя или, как выражаются Отцы Церкви, вхождение ума в сердце. «С Богом примирение и сроднение невозможны для нас, если мы наперёд не возвратимся к себе и не войдём внутрь от вне. Только внутренняя жизнь есть истинно христианская жизнь. О сем свидетельствуют все Отцы» (Наставление Никифора Монаха, цит. по кн.: «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», «Лествица», 2003).

Образ внутреннего, тайного, сокровенного неизменно сопровождает отношения Бога и человека. Личное богообщение всегда интимно, без тайны встреча Бога с человеком невозможна.

Интимность молитвы заповедал нам сам Спаситель: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь свою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:6).

«Се, стою у двери и стучу», — говорит Господь, обращаясь к «сокровенному сердцу человеку» (От. 3:20).

Если сокровенного, внутреннего уже не будет, если понятие интимности окончательно уничтожит (что, несомненно, случится с введением электронных досье, чипов и т.д.), то куда войдёт Господь? В какую дверь Он постучит? В ту, которая сорвана с петель вихрем бесстыдства или, как у аутистов, наглухо заперта?

Несколько лет назад нам привезли из Америки каталог модных игрушек и одежды. Значительную часть рекламируемой продукции составляли игрушки в виде внутренних органов, майки с изображением грудной клетки, бейсболки с нарисованными на них полушариями головного мозга.

На уроках валеологии (их также называют «уроками здоровья»), которые сейчас внедряются в школьные программы всего мира, дети с малолетства во всех подробностях изучают внутренние органы,

их устройство и функционирование. Секс-просвет, опять-таки железной рукой у нас насаждаемый, а на Западе давным-давно насаждённый, тоже огромное внимание уделяет внутреннему и внешнему строению соответствующих частей тела. Казалось бы, зачем вдалбливать это снова и снова, чуть ли не каждый год в течение 10–12 лет? Чтобы обучить подростков «безопасному сексу», не требуются такие анатомические штудии. А вот для того, чтобы вытащить наружу то, что Господь намеренно сокрыл от посторонних глаз, подобные уроки, игрушки, майки и кепки очень даже подходят.

Равно как и уверения, что ни в коем случае не надо ничего в себе таить, ибо это опасно для психики, а потому все эмоции надо выплёскивать, иначе будет инфаркт, инсульт или рак. В сей миф верят очень многие.

Так что и без электронных чипов почти всё внутреннее, подлежащее сокрытию, уже рассекречено, становится наружным. Но пока ещё очень многое зависит от самого человека: один позволил себе распуститься на людях, а другой предпочёл спрятать от посторонних глаз то, что не следует демонстрировать.

Система же непрерывной слежки лишит нас такого выбора. А по существу — свободы воли. Ведь свобода воли — это возможность выбора, часто между грехом и добродетелью.

Насчёт греха (например, попрания целомудрия) мы уже написали достаточно.

Но и с добродетелью при электронном «всевидящем оке» дела будут обстоять совсем не так просто, как считают некоторые бесстрашные христиане.

«Святая Синклитикия сказала: как открытое сокровище оскудевает, так и добродетель, узнаваемая и разглашаемая, помрачается», — читаем в «Древнем Патерике» (репринтное воспроизведение издания 1899 г., Изд. отдел Московского Патриархата, 1991). И там же — слова некоего безымянного старца: «Ещё сказал: открывающий и разглашающий добрые дела свои подобен сеющему на поверхности земли: прилетают птицы небесные и скупают семя. А скрывающий житие своё подобен сеющему на браздах пашни — он пожнёт обильный плод».

Причём соглашаясь жить под электронным надзором, человек не только нарушает заповеданную Спасителем тайну добродетели, но и лишается небесной награды. Недаром многие святые Отцы, столпы христианской веры и благочес-

тия, стремились к максимальной закрытости своей внутренней жизни.

Да и в наивысшем для нас образце, Евангелии, много ли говорится о внешних обстоятельствах жизни Христа и тем более о его внутренних переживаниях? Вряд ли это случайно. В Евангелии вообще ничего случайного нет. Если уж сам

Господь явил для нас образец прикровенности земного бытия, то нам ли, грешным, заявлять, что жизнь за стеклом нам не помеха, и беспечно соглашаться на режим постоянного мониторинга? **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Учителю необходима психолого-педагогическая поддержка

Наталья Москвина, доцент кафедры педагогики Хабаровского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук

В статье представлена психолого-педагогическая поддержка как универсальная идея и технология гуманистической педагогики, адресатами которой могут быть (поскольку нуждаются в ней) и учащиеся, и их педагоги.

Как же технологически обеспечить выполнение этой идеи? Итак, поддержка представляет собой последовательное разворачивание пяти этапов.

Первый этап — *диагностический*. Здесь адресат поддержки (в нашем случае — учитель) и наставник (преподаватель ИППК, или курсов, на которых обучается учитель, председатель методического объединения школы, представитель администрации и т.п.) фиксируют имеющуюся у учителя профессиональную (лично-профессиональную) проблему. Она может быть или заявлена самим педагогом, или выявлена в процессе наблюдения за его деятельностью, или обнаружена посредством каких-либо диагностических методик. Важно, чтобы была определена та проблема, которая значима для самого педагога.

Второй этап — *поисковый* — включает в себя совместный учителя и его «наставника» поиск причин возникновения этой проблемы. Причины могут быть установлены в ходе индивидуального или группового собеседования, обсуждения конкретных ситуаций, при помощи использования различных, в первую очередь проективных, методик. Важно искать причину, а не виноватого.

Третий этап — *договорной*. Стороны договариваются о путях и способах решения проблемы, о том, что берёт на себя педагог, а в чём ему требуется помощь наставника, других коллег, о сроках и этапах решения проблемы, о мере ответственности каждого за её решение. Этот этап, на наш взгляд, очень важен, во-первых, в силу того, что им во многом определяется последующий успех, а во-вторых, в силу своей новизны. Ведь в авторитарной педагогике отсутствует сама идея договаривания, не разработаны её процедуры, ничего не говорится о договорных отношениях. Между тем умение договариваться, по нашему мнению, чрезвычайно актуально в сегодняшней жизни.

Деятельностный этап строится как реализация на практике всего того, о чём договорились на предыдущем. По ходу вносятся необходимые коррективы в предварительные договорённости.

Рефлексивный этап. В определённом смысле рефлексия пронизывает собой каждый шаг поддержки. Однако она же выделяется в отдельный этап, в ходе которого анализируется успешность — неуспешность решения проблемы, причины, приведшие к успеху (неудаче), осмысливается новый, родившийся в процессе решения проблемы лично-профессиональный опыт, новые отношения и пр.

Затем круг возобновляется — определяется следующая проблема. Однако психолого-педагогическая поддержка не есть пожизненное сопровождение учителя сильным и мудрым наставником. Его сверхзадача — помочь педагогу выйти в режим самоподдержки, самотьюторства. Ведь пройдя этот путь вместе с наставником (тьютором), отрефлексировав его, учитель впредь может проделывать его самостоятельно, становясь наставником для нуждающихся в этом коллег и учащихся.